

Д Я Д Я Я К О В

Так зовут меня все: я театр, дома, на улице, где живу. Ну, а если полностью, так я — Яков Иванович Ловинов, машинист сцены театра имени Марджанишвили. Что такое машинист сцены? Тот, кто отвечает за порядок на сцене. Раздвинуть занавес или сдвинуть его, сменить декорации, построить на сцене дом, а то и целый дворец, смастерить кое-что из мебели, да все сделать вовремя, поспеть к сроку — вот, что такое, машинист сцены. Под началом у меня двенадцать человек — рабочих сцены, сам я тринадцатый. Бывают спектакли, когда все мы, тринадцать человек, как один дежурили весь вечер — столько всяких дел вокруг. Сложно, профессия у меня нелегкая. С разными режиссерами приходится работать, у каждого свой нрав, свои мечты. Вот работал я с Котэ Марджанишвили. И человек же был: горел, как огонь. Он и заразил меня любовью к театру, а известно — если кто полюбит театр — навсегда. Так а со мной случилось. Отец мой был столяр, научил меня своему ремеслу. Смастерю, бывало, стол, табурет, а это и шкаф и танцу на рынок продавать.

Встретил я как-то на улице знакомого, тоже столяра и стал он звать меня в оперный театр рабочим сцены (он и сам работал там). Подумал я и пошел — все же работа, да и среди людей буду. По-

работал я там один сезон, на лето нас распустили, и я снова стал кустарем-одиночкой. Вдруг слух пошел, что из Кустанца Котэ Марджанишвили приезжает и будет создавать новый театр. Я — к нему в театр, да там и остался там.

Ну и денечки, помню, были, когда мы ремонтировали здание. Там, где сейчас находится марджановский театр, раньше Тифлиссский рабочий театр, тот самый, который затем стал театром имени Грибоедова. Как приехал Марджанишвили — ему дали это здание. Работали мы день и ночь, по три-четыре дня не видели меня дома, и крепко доставалось мне от домочадцев. Да разве же уйдешь домой, когда Марджанишвили сам, надев халат и засучив рукава, работал. Такой был — большой и все-таки улажасмый человек, но и кирпичи таскал, и доски строгал вместе с нами. Почти сорок лет прошло с того времени, а он все стоит у меня перед глазами: в синем халате, весь в пыли, живой и веселый, с огоньками в глазах. Потому я часто видел эти огоньки — каждый раз, когда он чем-то был увлечен. А увлечен он был всегда: новой постановкой, удачными декорациями, хорошей игрой какого-либо актера, а в тот раз — ремонтом. Мы, рабочие, души в нем не чаяли, потому что хоть он был большим художником, а здорово понимал рабочего человека, уважал его крепко.

Бывало, после работы вместе с нами шел в столовую или в ресторан, весь вечер просиживал с нами за столом и все расспрашивал о работе, о жизни, о новом спектакле — говорил, что ему очень важно знать мнение таких, как мы, простых зрителей.

Веселый и душевный он был человек, но строг и требователен на работе безмерно. По утрам, когда он приходил в театр, сразу замолкала болтовня, которая — известно — всегда ведется в ожидании репетиции, и все вытягивалось в струнку, но зато как радовался его каждая удача, как он уже увлечен всех, как поощрял новичков. Да что там говорить, удивительный был человек, и любили его не только сказать как. Когда из Москвы пришла телеграмма о его смерти, помню, несколько дней все ходили с опухшими глазами и не могли работать — все валилось из рук.

Много режиссеров было в театре после Марджанишвили. Одни — строгие и суровые, другие — помягче, и все они — заметил я, — внимательны к нам, рабочим, считаются с нами, интересуются нашим мнением. И теперешний главный режиссер Леван Мирцхулава — молодой такой и серьезный, нет-нет да спросит: хороший спектакль получается, дядя Яков, или нет, как вы думаете? Приятно мне, старику, такое внимание и работаю с большей охотой.

Только вы не подумайте, что это и держит меня в театре. Внимание и уважение — вещь хорошая, но главное — любовь к делу, к работе. Я свою работу не променяю ни на что. Я вместе со всеми волнуюсь и переживаю за каждую постановку, сижу на репетициях, наблюдаю игру актеров, — за сорок лет многое перевидел.

Открою вам секрет, как придет в театр новый или начинающий актер, сразу иду его смотреть. Погляжу разок и уже знаю, будет из него толк или нет. Конечно, я помалкиваю о том, что думаю в таких случаях, но ошибаюсь редко.

За сорок лет десяток мне пересказали, но сил у меня достаточно и работаю с интересом. Плохо только, что в последнее время такие спектакли пошли,

где нашему брату, рабочему и делать-то особенно нечего. Сами понимаете — условные оформления. Вот и получается, что весь вечер на сцене горит один только стол и стулья или там столб с фонарем, или висит рама, которая одновременно должна изображать весь дом и, конечно, конечно в доме. Был у нас в театре такой спектакль «Затмение солнца в Грузии». Вот это постановка! На сцене стоял двухэтажный дом, который по ходу действия нужно было несколько раз разбирать и снова собирать. Такая работа по мне! Выполнив ее, спокойно идешь домой — ты немало сделал для успеха спектакля, проработал на совесть, а это — главное для человека.

Записала
Н. НАЦВАЛДЗЕ.